

**«Войду я в круг существ светопрозрачных...»
О поэзии Любови Никоновой**

* * *

Сердце ловит намёки на чудо.
И сознания касается зов,
Приходящий почти ниоткуда,
Уходящий в глубины миров.
Или это в серебряной неге
Изливают волнуемый свет
Камни, вечно живущие в небе,
За грядой нерастроченных лет?
Или это мелодия только? —
В незапамятном отчете краю
Летней ночью свистит перепёлка:
«Фить-пирю, фить-пирю, фить-пирю...»

Её лучшие стихи кажутся не написанными, а родившимися вместе с долгой приволжской равниной, старой просёлочной дрогой, куполом белой сельской церкви, — стихи легко становятся «светом, воздухом и ветром», точно возвращаясь, произнесённые, к своим первоисточкам. За ними стоит русская традиция — и поэтическая, и мировоззренческая. Они — из того светлого и лучшего в крестьянском космосе, что выражено старинным словом «лад», из той народной пытливости, того внезапного порыва — поднять глаза к небу, развернувшему свою звёздную ткань над старинным селом, — которые породили и Есенина, и великий тип русского деревенского чудака, и странничество, и русское юродство — сильное как раз своей кажущейся социальной слабостью. Однако Любовь Никонова, этот поэтический листок, оторвавшийся от родимой деревенской ветки, не была простушкой-пастушкой, не была даже и простой по характеру. Это, скорее, тот тип человека-самородка, русского *self made man*, который и составляет основу культуры, существует в её глубинных потоках, что наверх выбрасывают и грязь, и пену... И стихи Любови Никоновой, человека одновременно душевно чистого и высокоинтеллектуального, как бы минуя есенинскую традицию, ведут читателя к Тютчеву и Ахматовой, Заболоцкому, Самойлову. Из современников ближе всего она подступила к олимпийцу Юрию Кузнецову — но не со стороны символа, а со стороны сверхоощущения мистической тайны мира и глубинности чувств. И не важно, были ли они при жизни близко знакомы. Остался в поэзии её женский мягкий, душевный и чистый отклик, отклик любви — на мужской вызов, брошенный Кузнецовым всему женскому миру. Эта та тихая, как бы покорная, любовь, о которой сама Никонова сказала так:

И бушующих мыслей угрозы,
И страстей неизбывных моря,
И конфликтов мятежные грозы
Не сильней, чем покорность моя.

А когда эта невидимая сила любви иссякает — след её дарует пусть горьковатый, но спасительный, способный утолить жажду глоток воды:

В обожжённой степи — вечный запах полыни.
Если б тучке пролиться сюда молодой!
В обожжённой степи след барашка на глине

Напоил меня тёплой горьковатой водой.
С ощущением последнего поцелуя,
Ничего не прося у судьбы своей вновь,
Он потом засыхал, обнажённо пустуя,
Будто сердце, истратившее любовь.

Удивительно чистую эмоциональность поэтического мира Любви Никоновой подчёркивал в своей давней рецензии Роберт Винонен. Но Любовь Никонова в своём созерцательно-мудром потоке света, огибавшем скверну, уходя в глубину чувства, одновременно поднималась и в дальнюю высь уже философского взгляда на мир, иногда, к сожалению, несколько рационализировавшего и даже делающего рассудочными некоторые её стихи в ущерб поэтичности. Однако когда рассудочность уходила и начинало главенствовать мистическое чувство, окрашивающее философскую картину бытия, рождались прекрасные строки:

Не помня дней недобрых или мрачных,
Желая петь, ликуя, словно птица,
Войду я в круг существ светопрозрачных
И попрошу немного потесниться.

Прабабушкой поэтессы была знаменитая владимирская паломница Лекса (Александра Андреевна Швецкова), странничество которой стало той духовной парадигмой, которая определила и вечный мотив дороги в поэзии Любви Никоновой:

Ещё немного по тропе коровьей,
Протоптанной среди травы суровой,
Средь выжженной, средь пепельной полыни,
Растущей на растресканной равнине...

Душа Любви Никоновой с её надвременной архетипностью странствовала, выбирая свои просёлочные дороги, одним концом всегда уходящие к той деревенской избушке, где вечно ждёт у окошка старушка-мать, а другим — выводящие к Млечному Пути. И всегда путь сердечный вёл её мимо поля. И в этой сильнейшей тяге ко всему родному: пространству, полю, церкви, тропе, — до слёз, до горького счастья разлук и встреч — она близка Ивану Бунину:

И забуду я всё — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слёз не успею ответить,
К милосердным коленям припав.
И. Бунин

Но мистическое чувство Бунина сливалось с его острым и гениальным мужским даром ощущать миг жизни как единственный; у Никоновой ощущение по-женски заменено чувством — и миг жизни у неё не выделен, не очерчен, даже если и обозначен, но зато он сразу бесконечен и глубок, как бесконечна и глубока в её стихах женская любовь. Любовь её как бы лишена чувственности. Она сродни религиозному чувству, мистическому экстазу:

И, проникаясь светлым приобщением,
Твой образ буду созерцать я долго

И жить одним глубоким ощущением —
Смирением, доведённым до восторга.

Настоящие странники не просто хотели посмотреть, как велика русская земля, не только искали легендарное Беловодье (возможно, какой-то генетический зов, тайный поэтический знак Лексы, поданный через сны, привёл вчерашнюю школьницу Любу Никонову в поэзию, а территориально — из Поволжья в Сибирь, в Кузбасс, где она и осталась навсегда) — они искали суть бытия. Их странничество часто кончалось смертью. Там же, в пути. На безвестной дороге.

Как соль земли повсюду обнажилась,
На каменном суглинке отложилась!..
Не то смысл жизни здесь я постигаю,
Не то в пути безвестном погибаю...

Особый тип являло собой религиозное, в отечественной православной традиции, паломничество. Собственно говоря, именно к такому духовному поиску и обретению вечных святынь в душе и в мире пришла и Любовь Никонова. Глубоко верующий человек, она, наверное, воспринимала и свою тяжёлую болезнь, от которой страдала последние годы земной жизни, в ключе православной житийной символики, как то необходимое испытание-очищение, которое даст ей возможность вступить в круг «существ светопрозрачных», — её стихи последних лет такие же светлые и всепрощающие:

Но всё равно свой знак хочу подать я
С дороги сёстрам ласковым и братьям,
Хотя бы бабочку вам пыльную отправить,
Под цвет полыни, серую, на память...

Она оставила гораздо большее: её прекрасные стихи будут перелетать от сердца к сердцу, не зная границ ни пространственных, ни временных.